

Revue des études slaves

LXXXVIII 1-2 | 2017

1917 en Russie. La philologie à l'épreuve de la Révolution

АБХАЗСКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ

АКАДЕМИКА Н. Я. МАРРА

ЭВОЛЮЦИЯ, РЕВОЛЮЦИЯ И ЯЗЫКОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

L'alphabet analytique abkhaze de N. Ja. Marr. Évolution, révolution et planification de la langue

The Abkhaz Analytical Alphabet of N. Ja. Marr. Evolution, Revolution and Language Planning

Vittorio S. Tomelleri

Édition électronique

URL : <http://journals.openedition.org/res/940>

DOI : 10.4000/res.940

ISSN : 2117-718X

Éditeur

Institut d'études slaves

Édition imprimée

Date de publication : 31 juillet 2017

Pagination : 69-95

ISBN : 978-2-7204-0551-8

ISSN : 0080-2557

Référence électronique

Vittorio S. Tomelleri, « Абхазский аналитический алфавит академика Н. Я. Марра », *Revue des études slaves* [Онлайн], LXXXVIII 1-2 | 2017, Выложить онлайн 31 juillet 2018, Наводить справки в 31 juillet 2018. URL : <http://journals.openedition.org/res/940> ; DOI : 10.4000/res.940

АБХАЗСКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ
АКАДЕМИКА Н. Я. МАРРА:
эволюция, революция и языковое строительство

Vittorio S. TOMELLERI
Université de Macerata

Движение исследовательской работы Н. Я. Марра от мелкобуржуазных народнических позиций к углубленной творческой работе над коренной перестройкой нового учения о языке на базе марксизма-ленинизма является лучшей иллюстрацией той, отмеченной в свое время Энгельсом в отношении естествознания основной тенденции в развитии науки, которая переводит ее на ступень диалектического обобщения, а ее лучших представителей делает активными работниками в борьбе пролетариата за социалистическое строительство. (Аптекарь 1933: 3)

ВВЕДЕНИЕ

Академик Николай Яковлевич Марр (1865-1934) представляет собою без всякого сомнения чрезвычайно сложную, загадочную, одновременно светлую и темную личность в истории кавказской, русской и советской культурной жизни: вред, на долгие годы нанесенный советскому языковедению (Алпатов 2004) им и его “кликлой терроретиков” (Исаченко 1978: 83), парадоксальным образом компенсируется тем положительным влиянием, которое он оказал на литературные и культурные исследования межвоенного периода (Brandist 2015a: 194).

“Колоссальная многосторонность его конкретных знаний” (Кипарисов 1935: 7), разнообразие его исследовательских интересов и широта охваченных им областей знания (археология, филология, литературоведение, фольклор, востоковедение, лингвистика, этнография, краеведение) и языков (грузинский, армянский, арабский, персидский, турецкий, абхазский, баскский и пр.) значительно затрудняют проверку как фактического материала,

приведенного в его работах (Абаев 1935: 7)¹, так и более или менее фантастических предположений, сделанных им на основе данного материала; поэтому неудивительно, что в многочисленных исследованиях, посвященных его лихорадочной и разносторонней деятельности, из безбрежного моря сведений и тем обычно выделяется и подвергается критической оценке лишь малая капля. Следовательно, нельзя не согласиться с мнением Тункиной о том, что адекватно оценить его личность мог бы только «такой же ученый-энциклопедист, каким был сам Николай Яковлевич» (Тункина 2000: 387).

Помимо этого, его особенно витиеватый стиль изложения, «совмещающий в себе черты научного, делового и публицистического (массово-информационного) стилей» (Романенко 2001: 117), напоминает больше «камлание шамана, чем рассуждения ученого» (Алпатов 2002: 478)²; данный стиль характеризуется особым чередованием предложений, которые будто вкладываются одно в другое, что нередко возмущает и приводит в недоумение даже опытного и доброжелательного читателя³. Главный же недостаток его более художественной чем научной прозы (Васильков 2001: 416; ср. также Алпатов 2004: 241), судя по словам его друга и коллеги Ф. А. Брауна⁴, состоял в том, что Марр совсем не умел «говорить, и еще меньше – писать, т. е. спокойно и убедительно доказывать что-либо, называя аргумент на аргумент» (цит. по Тункина 2000: 388)⁵.

Другим, не менее важным препятствием для верного анализа его научного наследия является то обстоятельство, что работы Марра нередко переиздавались отдельной брошюрой или в сборниках⁶ и, прежде всего, цитировались и частично еще цитируются фрагментарно, т. е. вне временных и пространственных рамок их первоначального появления⁷; это

1. Показательны в этом смысле слова историка М. Н. Покровского о том, что подавляющее большинство послушавших доклад Марра не были в состоянии проверить его утверждения, а должны были принимать их на веру (из прений, помещенных на страницах издания Марр 1930б: 305; см. также Зуев 2005: 69); Е. Д. Поливанов в своем резко критическом докладе, прочитанном в феврале 1929 г. в Коммунистической Академии, отметил то же самое, назвав при этом своих противников «верующими» (Поливанов 1991: 548; см. также Романенко 2001: 116).

2. О том, являлся ли Марр настоящим ученым или шарлатаном, см. van Meurs (1998: 232-234) и Алпатов (2004: 253-257). П. Серю считает, что он не был лингвистом, а философом языка (Sériot 2013: 10).

3. «Письменный язык Марра сложен для понимания даже русскоязычному читателю, но он еще менее доступен для читателя иностранного» (Илизаров 2012: 22).

4. Сведения об этой интересной личности содержит статья Lepschy 1969.

5. См. также адресованные ему лично критические замечания того же Брауна (Тункина 2000: 389) и Slezkine (1996: 844, прим. 81).

6. Крупным событием, в этом отношении, является пятитомное издание его избранных работ, начатое накануне кончины автора и выходявшее с 1933 по 1936 гг. Библиография печатных трудов академика Марра, составленная Бабухадиа и Бичикашвили, насчитывает, до 1996-го года включительно, 722 названия (Бабухадиа, Бичикашвили 2004: 17-54); литература о его жизни и деятельности до 2001-го года содержит 781 наименование (Бабухадиа, Бичикашвили 2004: 55-99).

7. Следует здесь упомянуть также опубликованный в 1933-м году тематически структурированный цитатник (Аптекарь 1933), недавно переизданный под названием *Яфетидология* (Марр 2002).

приводило к тому, что высказанные там положения часто трактовались без должного учета историко-культурного и эпистемологического контекста, в котором они возникали⁸. К тому же, сам Марр нередко менял свои научные взгляды, возвращаясь к уже давно отвергнутым мнениям или опровергая совсем свежие идеи (Башинджагян 1936: 6, Brandist 2015a: 195). Подобные изменения он сам воспринимал не как слабость, а наоборот считал “естественным результатом развития и эволюционного видоизменения” своей теории (Марр 1928: 4; см. также Аптекарь 1936: 14, Миханкова 1949: 47).

Тот факт, что его научная деятельность началась задолго до октябрьской “революции” и бурно развивалась в течение первых десятилетий укрепления советской власти, делает его наглядным образцом для изучения сложных и запутанных условий существования науки под натиском формирующейся тоталитарной идеологии (Зуев 2005: 10). В конце 20-х и в начале 30-х годов советская лингвистика выступает как яркий пример научной области в процессе смены поколений, в которой борьба за авторитет усугублялась вмешательством социально-политических обстоятельств (Reznik 2007: 151). В этой напряженной и сложной атмосфере Марр является чуть ли не единственным представителем академической элиты, который, в отличие от большинства своих коллег, не стеснялся уже в возрасте воспринимать марксистское учение и показывал свою готовность к действенному сотрудничеству с пришедшими к власти большевиками⁹. Уже в зените своей карьеры он даже вступил необычным путем – без кандидатского стажа – в коммунистическую партию (Алпатов 1989: 186). При негативной оценке, вызываемой его компромиссным поведением, нельзя не признать, что оно имело также положительные последствия: например, своей пламенной речью Марр в 1929 году якобы спас стоявшую под угрозой разгона Академию Наук, упорно сопротивлявшуюся большевизации (Tolz 1997: 96; см. также Тункина 2000: 390, Васильков 2001: 420).

Еще до октябрьской революции Марр являлся страстным и упорным противником западной науки – как индоевропейского языкознания, так и востоковедения; он откровенно выступал против европейского “гуманизма” «с аристократической тенденцией отличать белую кость от черной, отличать европейскую культуру от иной по времени или месту» (Марр 1915: 281) и горько сожалел об отсутствии в российских университетах «не только действительно универсального образования, но и общего ориентального образования хотя бы особо, рядом с общим европейским „гуманитарным“ образованием» (Марр 1915: 303). Как замечает В. Тольц

8. Именно поэтому И. И. Мещанинов подверг указанный в предыдущем примечании цитатник серьезной критике (Мещанинов 1934: 132; см. также Алпатов 2002: 477-478).

9. Характерна большая политическая активность и независимость представителей естествознания перед большевиками в противопоставление к робкости гуманитариев (Булыгина 1999: 95; ср. также Tolz 1997: 22).

(2013: 161), в контексте Первой мировой войны тон его выступлений стал более враждебным и резким:

Словом, европейский Запад выдвинул и продолжал усиленно выдвигать против территориального расширения России все культурные свои средства с расчетом связать с собою духовно и экономически местные народности и обратить их в орудие своего культурного господства в Передней Азии. (Март 1915: 327)

[...] в нем имеем мы новое моральное оправдание нашего выступления на кавказском фронте. Перед Россией чрезвычайный случай проявить в действии чуткую к духовным красотам красоту души великого народа, народа-освободителя, прокладывающего дорогу мировой и своей свободы неуклонным путем освобождения страждущих и угнетенных народов. (Март 1915: 330)

Такие негативные восклицания, выражающие его “идейную нетерпимость, категоричность и воинственность”¹⁰ по отношению к любой форме империализма, расизма и колониализма, хорошо вписывались в прямолинейное противопоставление хорошего и плохого, своего и чужого, характерное для советского общества, в постоянном поиске внутреннего и внешнего врага, с которым вести ожесточенную борьбу классов (Булыгина 1999: 40; см. также Tolz 1997: 179). Март неким образом опередил советскую риторику, ведь в его агрессивных выступлениях проскальзывала именно та экстремальность, которая стала главным и обязательным фактором существования советской идеологии (Булыгина 1999: 56). В советском дискурсе, однако, основное значение при преобразовании старой яфетической теории и ее превращении в новое учение о языке придавалось новым жизненным и политическим условиям, созданным октябрьской революцией (Аптекарь 1929: 263), которые «окрылили Н. Я. Марра в его творческих исканиях и вдохнули в него такой чисто юношеский пыл, такую страстность и решительность в перестройке и отрицании старых построений, в том числе и его собственных» (Абаев 1935: 12; см. также Абаев 1960: 99).

Следовательно, напрашивается естественный вопрос о том, следует ли считать Марра невинной жертвой трагических политических обстоятельств (Васильков 2001) или сознательно умелым и мрачным палачом сталинских репрессий (Исаченко 1978, Алпатов 1989: 185-186), “злым гением”, как о нем отзывались современники (Робинсон 2004: 156 и 165).

На данный момент невозможно однозначно ответить на этот вопрос, может быть и не стоит на него отвечать. Создается, однако, вполне оправданное впечатление, что политический переворот и постепенная идеологизация науки при советской власти придали новый толчок всеобъемлющему развитию, в “мировом масштабе”, его идей, сформулированных еще

10. Заимствую эти слова у Булыгиной (1999: 35), писавшей о Ленине.

в “царское”, дореволюционное время. Не подлежит никакому сомнению, что Марр нюхом чуял власть и умел ей пользоваться для достижения своих амбициозных целей, всегда стремясь к успешной карьере и укреплению своего общественного и академического положения (Зуев 2005: 154, Stachowski 2013: 262 и 268); он был единственным академиком, который сотрудничал с политическим руководством до и после революции (Tolz 1997: 172). Наряду с напряженным научно-исследовательским трудом, Марр выполнял невероятно большое количество общественно-политических обязанностей в старых и вновь созданных учреждениях (Tolz 1997: 94-95, Васильков 2001: 395); поскольку во время культурной революции высокое общественное положение играло во всех областях науки и высшего образования решающую роль, занимать руководящие должности очень помогло его карьере, позволив Марру не только защитить свою позицию, но даже значительно укрепить ее и выйти неожиданным победителем в своеобразной борьбе в области марксистской лингвистики (Reznik 2007: 161).

Не будем здесь также задаваться вопросом о том, какое значение имело его смешанное и незнатное происхождение из захудалой периферии русского царства (Алпатов 2002: 475-476, 2004: 263; см. также Толц 2013: 30)¹¹. В этом смысле, показательным является недоверие неблагосклонной столичной атмосферы по отношению к провинции, что отразилось в реакции ориенталиста В. Р. Розена на выдвинутую Марром гипотезу о родстве грузинского языка с семитическими:

Мое заявление об этом наблюдении встречено было более чем скептически. Известный ориенталист Розен (арабист) предсказывал мне полное фиаско, сказав, что если бы это было верно, то не ждали бы приезда кого-либо с Кавказа и давно это стало бы известно. (Марр 1927а)

Своими теоретическими соображениями Марр “научно” реагировал на испытанное им чувство национальной и личной неполноценности (Slezkine 1996: 834 со ссылкой на Марр 1930а: 49), пытаясь продемонстрировать вклад своего родного грузинского языка и вообще кавказских языков в культурную историю человечества (Марр 1902: 15)¹².

Скромная цель настоящей статьи – коротко проследить и изложить интересную историю возникновения и развития т.наз. “(абхазского) аналитического алфавита”¹³, который в течение нескольких десятилетий

11. Против этого объяснения возражает Шилков (2004: 75-76). По поводу его характера были также сделаны и выводы психологического порядка: «[...] Марр в детстве пережил в особо резкой форме то, что переживает ребенок, выросший в смешанной семье европейца и «туземки» в условиях колониальной страны» (Васильков 2001: 397).

12. «Идеей фикс» Марра с самого начала был постулат о великой исторической роли, славном прошлом и общем происхождении кавказских народов» (Алпатов 2004: 255).

13. Абхазский аналитический алфавит подробно исследован с лингвистической и идеологической точек зрения в работах Sériot 2013 и Tomelleri 2016.

дополнялся, преобразовывался, приспособлялся к новым научным задачам и, соответственно со своей вновь приобретенной функцией, переименовывался. Выбор этого аспекта исследовательской деятельности Марра на первый взгляд кажется формальным и маловажным, однако он не случаен, ни произволен; на самом деле, сам Марр считал эту систему графической передачи звуков – в данном значении он употреблял термин “фонема”, т.е. не в техническом смысле – основой своей лингвистической теории, наряду с пресловутыми четырьмя элементами:

Само собою разумеется, что, будучи теоретическим построением как математика (разумеется, без претензии быть разработанной в степени какой-либо математической науки), яфетическая теория, новое языковедное учение, пользуется безоговорочно двумя совершенно прочно установленными средствами в своих изысканиях: одно из них – особая исследовательская графика, аналитический алфавит, другое – анализ по четырем лингвистическим элементам, который вскрывает их идеологичность [...].
(Марр 1931: 15)

Как бы то ни было, аналитический алфавит, использовавшийся в кавказоведческих публикациях самого Марра и его сподвижников (Климов 1962: 14-15), заслуживает особого внимания.

Первоначально эта система, опирающаяся на латинскую графическую основу, называлась просто «аналитической транскрипцией», затем она стала яфетидологической и, наконец, получила название «абхазский аналитический алфавит» уже в практическом и кратковременном применении к реформе абхазской письменности. Различные названия этой небезынтесной графической системы сопровождают более или менее существенные изменения теории (или теорий?) Марра и ее (их) место на советском эпистемологическом и, в частности, лингвистическом поприще. Итак, внезапные взрывы и скачки в развитии лингвистической мысли Марра рефлекторно отражаются в использовании и пропагандировании транскрипционной системы.

1. Первый этап: армяно-грузинская транскрипция

В речи, прочитанной им 9 декабря 1901 на факультете восточных языков перед защитой докторской диссертации, Марр подчеркивал необходимость совместного изучения армянского и грузинского языков и литератур (Илизаров 2012: 50-51), тесно связанных между собой как генетически, так и культурно-исторически:

[...] обрисовалась для меня необходимость признать вообще арменистику и грузиноведение двумя неразрывно связанными областями одной цельной отрасли востоковедения, именно армяно-грузинской филологии.
(Марр 1902: 1)

биологическую метафору младограмматиков, указывая на то обстоятельство, что из-за скрещенния арийской и неарийской рас в армянском и грузинском языках «оборвалась нить постепенного органического развития» (Март 1902: 9). Март долго оставался верным традиционному методу: в 1916 он указывал на отсутствие сравнительно-исторической грамматики горских языков, от которого «сильно страдает общая сравнительная грамматика яфетических языков» (Март 1916: 26), а в 1922 опять же писал о принадлежности грузинского языка к яфетической семье языков (Март 1922: 19).

Исходя из звуковой близости армянского и грузинского языков, Март придумал своеобразную фонетическую транскрипцию, благодаря которой можно было бы графически изобразить все фонемы обоих языков с помощью аналитической системы. Аналитический характер заключался в том, что простым звукам соответствовали, на графическом уровне, простые буквы латинского алфавита¹⁵, тогда как в случае изображения сложных звуков тем же буквам добавлялись дополнительные надбуквенные и подбуквенные диакритические знаки (точка, угол, кружок и зубчик) согласно математическому принципу цифрового изображения чисел (Ахвледзиани 1938: 175-176, Мегрелидзе 1984: 18-19; см. также Sériot 2013: 15-16 и 18)¹⁶.

Введение в научный оборот подобной транскрипции относится к начальному периоду исследовательской деятельности Марта, когда ученый интенсивно занимался филологической, литературоведческой и археологической работой в области армянской и грузинской культур (Reznik 2007: 152)¹⁷.

Аналитический алфавит выступает, естественно, в грамматиках древнеармянского и древнегрузинского языков: в грамматике древнеармянского языка, согласно классификации предложенной в выше упомянутой диссертации 1899 года, Март кириллическим алфавитом обозначает произношение армянских букв, в то время как латинский алфавит употребляется для аналитической транскрипции (Март 1903: 2-3).

В грамматике древнегрузинского литературного языка – написанной гораздо раньше, но по разным причинам вышедшей с большим опозданием в 1925-м году – приводится «грузинский древнелитературный алфавит с позднейшими, равно армянскими и русскими соответствиями и аналитической (яфетидологической) транскрипцией» (Март 1925а: нумерованная страница после страницы 026; см. также приведенную здесь таблицу печатных букв новогрузинского алфавита).

15. Он никогда не объяснял, почему именно латинский алфавит лежал в основе его изобретения.

16. «Своеобразные транскрипция и фонетическая терминология (наименования согласных в ряде «сибилянтов», «спирантов», «аффрикат») – не совсем в том значении, в каком эти термины приняты на Западе» (Поливанов 1925: 113), подробно обсуждаются в работе Ахвледзиани (1938: 174-178).

17. Выявлением основных этапов в научной жизни Марта (Аптекарь 1930, Миханкова 1949), занимались, в последнее время, Tuite (2011: 201) и Stachowski (2013: 252).

С течением времени Марр начал испытывать отрицательное отношение к древним алфавитам, которое он будет дальше развивать после революции, обнаруживая в древней письменной традиции защиту интересов доминирующего социального класса; в первое десятилетие XX-го столетия он все больше и больше обращал свое внимание к изучению живой речи и не зафиксированных письменно диалектов (Tolz 2009: 272, Тольц 2013: 245-246); его позиция полностью совпадала со мнением, высказанным его коллегой в Петербургском университете, Бодуэном де Куртенэ (Brandist 2015b: 13). Он стремился к спасению «устных памятников народной словесности» (Марр 1913: 334; см. также Тольц 2013: 223) и нарочно пользовался противоречивым сочетанием «литература бесписьменных народов»:

Литература не только бывает у народов без письменности, но часто она является более надежным и богатым источником для изучения языка, этой души народа, чем обширная искусственная литература с письменностью, обыкновенно состоящая из сплошных переводных памятников и в большинстве, если не исключительно, подражательных к ним сочинений.

(Марр 1916: 2; о разрушительной функции грузинской письменности см. там же, стр. 16).

2. Второй этап: общекавказская транскрипция

Марр отмечал в кавказоведении «полное равнодушие, если не сказать более, к научной разработке исторических судеб бесписьменных народов Кавказа, коренных его обитателей» и настаивал на независимости «от тех или иных местных националистических освещений» (Марр 1916: 9; см. также комментарий издателя к этому месту в переиздании Марр 1938: 132). Несколько непоследовательно ученый настаивал на важности лингвистического изучения языков малых, поработанных народов, но одновременно отмечал освободительную функцию языкового и графического уединения Кавказа:

Современная и будущая общественность Кавказа доделает, конечно, это дело, если Кавказ способен когда либо отстоять свою все время выпадающую из его рук независимость. Утверждаю, что пока у Кавказа нет одного общего языка, никакие внешние гарантии, никакая физическая сила не могут сохранить устойчивость национальных свобод края. Кто даст Кавказу тот общий язык, он и только он и будет творцом действительно культурной его свободы. Без этого единого общекавказского языка для Кавказа гарантировано в лучшем случае замаскированное лозунгами свободы духовное рабство. В этом смысле первым шагом должно явиться создание одного письма для всего Кавказа. И сейчас в крае имеются сотни тысяч населения, знающих два, иногда и три, и более кавказских языка, но не пользующихся ими в культурной форме, т. е. письменной, так как на Кавказе, и в Грузии, и в Армении, их современные

грамотные граждане по инерции вынуждены читать и писать буквами, созданными в древности сословиями, которые прежде всего думали о своих классовых интересах, а не о действительно общих национальных нуждах. (Марр 1922: 4-5; см. также Марр 1915: 311)

Выше приведенные соображения относятся ко второму этапу деятельности Марра, когда он, уже огорчен армянским и грузинским национализмом, стал общекавказским патриотом (Slezkine 1996: 836; см. также Васильков 2001: 399).

Замена археологических и филологических исследований лингвистическим изучением яфетических языков была обусловлена не только конъюнктурными обстоятельствами строящегося советского общества, но и факторами личного характера: потеря археологических записей, собранных во время раскопок в городе Ани, древней столице Армении (Платонова 1998: 377), «во время начавшихся событий гражданской войны» (Аптекарь 1934: 31), военные действия на Кавказе, а также внезапное одиночество учителя после ухода его лучших учеников, которые против его воли создали тбилисский университет¹⁸. Кроме этого, первые послереволюционные годы «стали временем трудной социализации науки в новые политические условия, когда коммунистическая идеология блокировала классические направления в гуманитарной науке и актуализировала альтернативные научные течения» (Булыгина 1999: 80); вся система гуманитарного образования перестраивалась, были созданы факультеты общественных наук (Булыгина 1999: 101). Любопытно, что именно между 1917 и 1920 годом, когда Марр занимал, как никто иной, высокие административные позиции в научных и образовательных учреждениях, он оказался в полном одиночестве в своей научной борьбе за яфетологию (Reznik 2007: 155).

В связи с этим Марр постепенно отошел от успешно проведенных исследований в области армяно-грузинской филологии, выходя за рамки картвельских языков и расширяя свои лингвистические интересы на другие кавказские языки. Осознавая важное значение общекавказского подхода к лингвистическому изучению региона, он писал:

Лично мне абхазский язык дал особенно сильный толчок для приступа к работам по восточно-кавказским горским языкам. Для меня стало ясно, что все направление и грузиноведения и арменоведения, в частности и мое, было в корне неправильно по крайней мере в лингвистической части, ибо ни одна общая проблема, возникавшая в той или иной из названных специальностей, не могла быть правильно поставлена и тем менее решена без общекавказских перспектив, в частности без соответственно глубокого изучения всех горских коренных языков и пересмотра вопроса о них с

18. Подробнее об этом см. Cherchi, Manning 2002 и Putkaradze, Vashakidze 2011. Действительно, понять развитие марровских идей без привлечения его биографических фактов невозможно (Thomas 1957: vii, Brandist 2016a: 195, Tomelleri 2016: 120, прим. 2).

точки зрения яфетической теории и на основании новых наблюдений и проверки старых записей на местах лицами, прошедшими яфетидологическую школу. (Март 1916: 20)

Таким образом, произошел первый революционный, хотя с хронологической точки зрения частично дореволюционный поворот в теории Марра, перешедшего от филологической деятельности, благодаря которой он получил заслуженное признание как на родине, так и за рубежом, к чисто лингвистической работе. При этом, как мы видели в приведенной цитате, важную роль сыграла встреча с абхазским языком, которым он занимался до конца жизни¹⁹. Та группа языков, которая первоначально составляла яфетическую ветвь ноетической языковой семьи (Март 1908: 1²⁰; см. также Март 1912: 1), постепенно превратилась в отдельную семью, куда вошли все языки, чьи генетические связи не были установлены (Васильков 2001: 401). Кроме этого, рост состава яфетических языков за счет языков Кавказа, не поддающихся генетическому определению, убедил Марра в необходимости делить яфетические языки на две большие ветви – сибилантную (свистяще-шипящую), представленную картвельскими или южнокавказскими языками, и придыхательную, к которой он отнес “горские коренные языки Кавказа”, в том числе и абхазский язык, объединив обе ветви в “одну самостоятельную семью – яфетическую” (Март 1916: 12). В типичной для него манере Март будет доказывать родство абхазского языка с египетским:

Так-то теоретически родство египетского с абхазским может не подлежать сомнению, поскольку абхазский язык – яфетический, а яфетические языки родственны с семитическими, у которых с хамитическими, включающими в себя египетский, имеются бесспорные признаки родства. Следовательно, наличный абхазский язык не может теоретически не быть в родстве с египетским. (Март 1926б: 135)

Март приложил к своей статье *Из лингвистической поездки в Абхазию (К этнологическим вопросам)*, доложенной в заседании Историко-филологического отделения Академии Наук 27 февраля 1913 г., две таблицы, в первой из которых дается транскрипция абхазских звуков согласно яфетидологической системе и алфавиту переводческого комитета (Март 1913: после последней страницы).

Таким образом, аналитическая транскрипция расширила свой состав и свои функции, став яфетидологической. Большое количество согласных фонем в абхазском языке, по сравнению с грузинским и армянским, привело к увеличению графических знаков для обозначения звуков, как явствует из

19. Об изучении Марром абхазского языка см. Хашба 1936. Сборник его статей, посвященных абхазскому языку, вышел посмертным изданием в 1938-м году (Март 1938).

20. Эта работа представляет собой расширенный русский перевод статьи, вышедшей в грузинской газете *Иверия* в 1888-м году (Март 1888).

Транскрипция абхазских звуков¹⁾

Табл. I.

Абхазские звуки	Место их произношения	Способ произношения	Абхазские звуки	Место их произношения	Способ произношения
1. а	у		а	29. w	у
2. б	б		б	30. ф	ф
3. г	г		г	31. ч	ч
3а. д	д	мягч. б (= д ^б)	Г (Гу)	31а. ц	мягч. д (= д ^б)
4. д	д		х	32. к	к
5. д ^б	д		д	32а. к ^б	мягч. к (= к ^б)
6. е	э		а ^б)	33. к	г
7. т	т		ш	33а. к	мягч. г (= г ^б)
8. т	дебел. г		—	34. ш	ш
9. з	з		л	34а. ш ^б)	мягч. ш (= ш ^б)
9а. з	мягч. з (= з ^б)		—[з]	35. ш	— слитн. губн. ш + з
10. о	о		у	36. ш	— слитн. слитн. губн. ш + з
11. о	о		ш	37. б	б
12. ф ^б)	губн. м + ф		с	38. ф	— дебел. ф
13. л	л		л ^б)	39. б	б
14. к	к		к	40. б	дебел. б
14а. к	мягч. к (= к ^б)		—[к]	41. б	— слитный губн. б + з
15. л	л		з	42. д	д
15а. л	мягч. л (= л ^б)		—[л]	43. л	— слитн. губн. л + з
16. м	м		м	44. т	т
17. н	н		ш	45. т	— дебел. т
17а. н	мягч. н (= н ^б)		—[н]	46. т ^б)	— слитн. губн. т + з
18. у	у		—[у]	47. т	т
19. о	о		о	48. т	— дебел. т
20. р	р		п	49. ч	ч
21. ж	ж		жс	49а. ч	мягч. ч (= ч ^б)
21а. ж	мягч. ж (= ж ^б)		жс	50. ч	ч
22. г	г		жп	50а. ч	— слитный з (= з ^б)
22а. г	мягч. г	— слитн. губн. (г + з) + з	жп	51. б ^б)	— больше глубокий слитный б (= б ^б) в груз. б
23. г	г		жп	52. б	— слитные того же звука ст. з
24. з	з		с	53. ф	ф
25. с	дебелый л		—[с]	54. ф ^б)	— слитн. з + ф слитн. слитн. губн. ф + з
26. т	т		т		
27. ф ^б)	слитн. губн. ф + з		з		
28. ш	ш		у		

1) Ср. П. П. Чирин, и. с. § 11, стр. 50—56. 2) Сибирский быт. 3) Написаны во слитных и мягко-гласных, равно же звуках Армянские (аб). 4) и не т. 5) Было послеконсонантное — и. 6) и не т. 7) и не ш. 8) и не б. 9) и не л = з. 10) и не ф.

Источники: Н. Я. Марра.

Таблица 3. Яфетидологическая система транскрипции абхазских звуков, Марр 1913.

сравнения более простого состава согласных яфетидологического алфавита на примере грузинского с более сложным составом на примере абхазского (Мещанинов 1931: 9-11).

Абхазский аналитический (яфетидологический) алфавит, в исправленном и дополненном виде, появляется с таким названием в работе 1918 года, *О записывании абхазских текстов*, в качестве научно удобной и точной системы фонетической транскрипции абхазского языка:

Записывать надлежит тексты живой речи так, как произносятся входящие в их состав слова и звуки, как их слышно в каждом данном случае, а не как должны они произноситься. [...] Но этого мало: недостаточно дать правильное произношение, свойственное тому или иному абхазу, а нужно в точности воспроизводить произношение, природное для того абхаза, со слов которого записывается текст [...].

(Марр 1918/1938: 150)

В приложенной к его статье первой таблице, возможно, впервые встречается образец абхазского аналитического (яфетидологического) алфавита, в печатном и рукописном вариантах, согласно «порядку размещения грузинского алфавита, где с начала идут буквы, изображающие простые звуки без шипящих, затем аффрикаты и шипящий ш, т. е. то, чего не хватало в греческом» (Марр 1926а: 52); затем во второй таблице подробно излагается аналитическая (яфетидологическая) транскрипция абхазских звуков (Марр 1918/1938: 153-156). Следуют яфетидологическая классификация абхазских звуков (там же, стр. 157) и обзор существующих алфавитов абхазского языка и соответствий их букв в аналитической (яфетидологической) транскрипции (там же, стр. 158-162). В научной литературе (Simonato 2005: 257, Sériot 2013: 16) обычно приводится образец абхазского аналитического алфавита по более поздней и более известной работе 1926 года, в которой рукописный вариант повторяет грузинский порядок букв, используемый в предыдущей публикации, тогда как печатный вариант «расположен в другом порядке» (Марр 1926а: 51).

Пропагандируя свою яфетическую теорию за рубежом и на родине, Марр неоднократно поднимал вопрос о единстве письма. В 1923-м году вышел его доклад, прочитанный грузинским студентам в Париже и Берлине за два года до появления публикации: грузинский текст набран грузинским гражданским шрифтом (мхедрули) на четных страницах, в то время как на нечетных применяется яфетидологический алфавит. В кратком предисловии, носящем программное заглавие *Единый Кавказ, одно письмо*, автор теоретически обосновывает данный выбор, шестым чувством предугадывая практический провал предложенной системы:

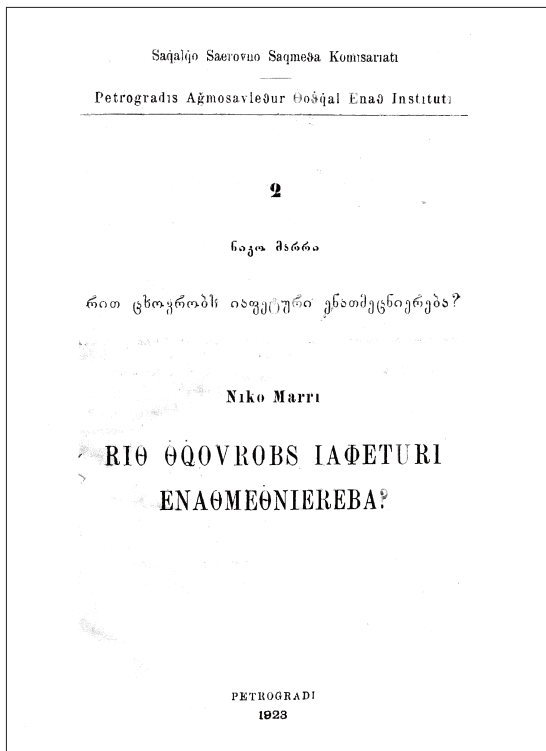
В настоящее время нас не может не интересовать переход всего Кавказа на один общий алфавит, в особенности тех кавказских народов, которые имеют чистое или по смешению племенное родство с яфетической семьей.

Единый Кавказ, один алфавит, отлитый в формы в соответствии с природой яфетических языков! Может, наш яфетидологический алфавит, приспособленный для научных целей, общественной жизнью будет отвергнут, но всетаки и он пригоден для примера, даже с его помощью легко видеть, насколько облегчится для всего культурного мира изучение примерно грузинского при пользовании им, тем более, если органически слить с основными частями букв отдельно над ними или под ними стоящие знаки.

Как образчик для транскрипции выбрал я доклад о современном положении яфетидологии, прочитанный весной 1921 года грузинам студентам в Париже и Берлине. Обнародование его, быть может, поспособствует и своим содержанием ознакомлению широких в Грузии кругов с новой лингвистической теорией, касающейся непосредственно и грузинского языка.

(Марр 1923: 1)²¹

21. См. также Марр (1926а: 34): «Мы вполне понимаем, что для индоевропейцев и мыслящих в их путях языковедов аналитический алфавит мало, (да и неверно) сказать – неизвестен, он неперевадим:

Таблица 4: Marr 1923 – Титульный лист. Грузинское письмо и яфетидологический алфавит.

Марр не разделял мнение древнеписьменных народов, которые смотрели на алфавит как “на предмет культа, реликвию” и всей силой противопоставлялись «не только к переходу на новое письмо, соответствующее потребностям современной жизни, да и по существу более обоснованное, но и всякой реформе старого алфавита, хотя бы простой орфографической» (Марр 1926а: 21).

Фонологический строй абхазского языка, характеризующийся более богатым консонантизмом по сравнению с армянским и грузинским языками, делал его, по мнению Марра, вполне пригодным для транскрипции всех звуков яфетических (т. е. кавказских) языков²²:

он требует перестройки их научного языковедного мышления, он требует усвоения теории, яфетической теории, находящейся в полном противоречии с их основными научными положениями, с их техникой. Становясь технически народным, в данном случае абхазским, и получив дальнейшее практическое применение, новый алфавит, аналитический, будет иметь значение цифр, что и делает его и как азбуку для народа и как транскрипцию для ученых одинаково всем понятным. Станет ли он однако общекавказским? Станет ли он общенаучным? Не наше дело заниматься пророчеством».

22. См., однако, справедливые возражения Е. Д. Поливанова (Поливанов 1928: 177, Thomas 1957: ix и Поливанов 1991 [1929]: 551) и Н. Ф. Яковлева (Яковлев 1931; см. также Simonato 2005).

Абхазский алфавит тем удобен на первых порах для примерного изложения яфетидологической транскрипции, что, будучи цельным в себе, т. е. алфавитом одного языка, он вмещает знаки, выразители такого разнообразия звуков, что с избытком может удовлетворить потребности в изображении звуков большинства языков, даже яфетических языков, а количественно всегда их превосходит, так в трехзначных буквах, в роде t^o надобности не имеется почти ни в одном из других яфетических языков. (Март 1927б: 38)

Этим же вопросом алфавитного объединения Март, который в 1924-м году был избран директором Ленинградской Публичной Библиотеки, занимался и в области библиотечного дела. Он боролся за установление полного единообразия в каталогизации, предлагая выработать единый алфавитный каталог, построенный на латинской основе, который объединял бы все фонды для всех языков (Март 1926г: xiii); начало своего проекта он осуществил в Восточном отделении (Голубева 1986: 113). Стремление к созданию единого библиотечного алфавита было идеологически связано, как мы увидим ниже, с идеей о предстоящем нарождении, в коммунистическом бесклассовом обществе, единого языка для всего человечества, о котором он ратовал в своей теории (Голубева 2002: 144). Выступая на *Второй всероссийской конференции научных библиотек*, Март утверждал, что единый алфавит – это «насущнейшая техническая предпосылка для правильной постановки библиотечного дела в условиях нашей современности» (Труды 1929: 338). Применение яфетидологической транскрипции, которое продолжалось до 1937-го года, не значило улучшение, а скорее осложнение каталогизации национальных фондов (Голубева 2002: 149).

3. Третий этап: абхазский аналитический алфавит

Благодаря большому авторитету, которым Март пользовался вообще в стране и среди абхазской интеллигенции в частности, его научная транскрипция получила право гражданства в рамках советского языкового строительства и в 1926-м году была введена как практический алфавит для абхазского языка (Март 1926а: 14-15)²³.

Отвечая на возражения по поводу трудности его изобретения, Март неоднократно отвергал любую критику и обращал внимание своих оппонентов на тот факт, «что вообще всякая наука трудна, как трудно усвоить подлинную технику всякого жизненного явления, наладить подлинное производство и не подсовывать маргарина вместо масла» (из письма Н. Я. Марра Андрею Максимовичу Чочуа от 12 января 1926 года, цит. по Март 1938: 300). Поэтому, продолжал Март, сокращать количество знаков было просто невозможно и, прежде всего, нецелесообразно.

23. Абхазский аналитический алфавит был принят на собрании специальной комиссии в составе Наркома по просвещению 30-го июня 1924 г. (Март 1926а: 14).

казалось Марру и его последователям необходимой предпосылкой для осуществления этой цели в бесклассовом обществе (Марр 1925б)²⁵.

Одновременно в работах Марра начали все больше и больше появляться цитаты из сочинений классиков диалектического материализма и крылатые выражения марксизма-ленинизма. Учитывая, наряду с конъюнктурными и карьерными причинами (Алпатов 1991: 154), «серьезность, обдуманность и искренность обращения» Марра к марксизму (Романенко 2001: 111; см. также Bedford 1985: 61 и Reznik 2007: 156)²⁶, нельзя считать его лингвистическую теорию лишь продуктом идеологических условий и политических обстоятельств в Советском Союзе (Lähteenmäki 2006: 294; см. также Гаспаров 1987: 47). Есть основания предполагать, что новое учение родилось как попытка выхода из непреодолимых трудностей, с которыми столкнулась лингвистическая теория предшествующего периода (Абаев 1960: 94). Этот переворот маркирует очередной этап в развитии научной деятельности Марра, перешедшего от общекавказского патриотизма к марксистскому интернационализму (Васильков 2001: 406).

Несмотря на практическое поражение алфавитного проекта в Абхазии, Марр и его приверженцы продолжали отстаивать внедрение аналитического алфавита как образца будущего единого мирового алфавита, открыто полемизируя со сторонниками нового алфавита²⁷:

Письменность и язык созданы человечеством: оно выковывает формы своего языка, и в наше время, когда история идет верными шагами к унификации своего хозяйства, когда ощущается неотложная потребность общения взрожденных в духе классовой идеологии тонких культурных слоев с трудящимися всех стран, – вопрос о создании единого языка и письма становится неотложной проблемой и важнейшей практической задачей наших дней.

Разумеется, в первую голову возникает вопрос об единстве письма, а не языка; для разрешения этого вопроса в строгом соответствии с принципами самоопределения народов необходима тщательная проработка языкового материала всего человечества. (Марр 1925б: 1014)

Марр уверенно и самоуверенно настаивал на правильности своей письменной системы:

противопологает свое утверждение, что развитие шло, напротив, от // множественности языков, родившихся и развивавшихся в поте и борьбе трудового процесса – к единому общечеловеческому языку в бесклассовом коммунистическом обществе будущего».

25. Здесь формулировка “специалиста-языковеда” о всемирном языке совпала с высказываниями “политика-революционера” И. В. Сталина (Марр 1931б: 2-3; подробнее об этом см. Гречко 2010).

26. По этому поводу А. В. Луначарский отмечал, что Марр «пришел к марксизму не потому, что так лучше жить, а благодаря всему развитию научной мысли» (цит. по кн. Булыгина 1999: 107).

27. Об ожесточенной борьбе марристов по поводу унификации латинского алфавита см. Baldauf (1993: 583-593). Имелись также попытки ее применения к славянским языкам (Марр 1935, Борковский 1936).

Я решил потому подойти к тому же вопросу, но не для защиты этого нового лингвистически построенного письма (защищать не от чего, ибо не вижу ни одного теоретически состоятельного возражения), а для того, чтобы поделиться с вами мыслью, что нельзя к алфавиту подходить как к явлению исключительно формальному или как к явлению, требующему разъяснения в связи лишь с физиологиею звуков. Алфавит в современном его понимании неразрывно связан, как и учение о звуках речевой культуры, так называемая фонетика, с идеологиею звукового языка.

(Марр 1928: 2-3)

ИТОГИ

Научная транскрипция армянских и грузинских слов, первоначально придуманная для практических потребностей “узкой” филологической специальности, вошла в состав лингвистической теории, яфетического языкознания, приобретая черты общекавказской системы, охватывающей, кроме грузинского и родственных ему языков, и северокавказские языки.

Превращение *Яфетической теории*, признававшей, хотя с оговорками, главные предпосылки историко-сравнительного языкознания, в *Новое учение о(б) языке*, поставило аналитическую (яфетидологическую) транскрипцию на совсем новые теоретические и идеологические рельсы, придав ей характер будущего мирового алфавита.

Применение аналитической транскрипции в качестве практического абхазского алфавита, а также при каталогизации библиотечных фондов Ленинградской Публичной Библиотеки, это единственный вклад Марра в советское языковое строительство во время латинизации письменностей.

Если в работах, посвященных Марру, аналитический алфавит обычно остается в тени как побочное и периферийное явление его теории, нам кажется, наоборот, что пренебрежение этой транскрипционной системой, обнаруживавшей в своем историческом развитии разные формы и функции, лишает нас возможности всесторонне рассмотреть далеко не бесспорное лингвистическое наследие грузинского, русского и советского ученого.

ЛИТЕРАТУРА

- АБАЕВ Василий Иванович. 1935. «Николай Яковлевич Марр (1864-1934)», *Вестник Академии Наук СССР*, 5, 1, стр. 7-18.
- ИД. 1960. «Н. Я. Марр (1864-1934). К 25-летию со дня смерти», *Вопросы языкознания*, 1, стр. 90-99.
ruslang.ru/doc/voprosy/voprosy1960-1.pdf (15.12.2016)
- АЛПАТОВ Владимир Михайлович. 1989. «К истории советского языкознания: Марр и Сталин», *Вопросы истории*, 1, стр. 85-188.
- ИД. 1991, «Отзыв о книге René L'Hermitte, *Marr, marrisme, marristes. Une page de l'histoire de la linguistique soviétique*, Paris, Institut du monde soviétique et de l'Europe centrale et orientale (Cultures et sociétés de l'Est 8), 1987», *Вопросы языкознания*, 1, стр. 153-155.
ruslang.ru/doc/voprosy/voprosy1991-1.pdf (15.12.2016).
- ИД. 2002. «Послесловие ко второму изданию», в: Николай Яковлевич Марр, *Яфетидология*, Жуковский-Москва, Кучково поле, стр. 475-478 [переиздание работы Аптекарь 1933].
- ИД. 2004. *История одного мифа: Марр и марризм*, издание второе, дополненное, Москва, УРСС [Москва, Наука – Главная редакция восточной литературы, 1991].
- АНДРЕЕВ Андрей Петрович. 1929. *Революция языкознания. Яфетическая теория академика Н. Я. Марра*, Москва, ЦК СЭСР.
- АПТЕКАРЬ Валериан Борисович. 1929. «Шаг назад» (Отзыв о книге Ивана Ивановича Мещанинова, *Введение в яфетидологию*, Ленинград, Прибой (Вопросы методологии и теории языка и литературы. Сборники и монографии).
books.e-heritage.ru/book/10084519 (28.06.2016), *Новый Восток*, 26-27, стр. 261-269.
- ИД. 1930. «От яфетидологии к марксистской лингвистике. К характеристике седьмого этапа в развитии яфетической теории Н. Я. Марра», *Институт этнических и национальных культур народов Востока. Ученые записки*, 1, стр. 87-114.
- ИД. 1933. *Вопросы языка в освещении яфетической теории. Избранные отрывки из работ акад. Н. Я. Марра*, составил В. Б. Аптекарь, Ленинград, ГАИМК.
- ИД. 1934. *Н. Я. Марр и новое учение о языке*, Москва, Государственное социально-экономическое издательство.
- ИД. 1936. «Памяти Н. Я. Марра (1865-1934)», в: Федор Васильевич Кипарисов (отв. ред.), *Язык и история. Сборник статей*, Ленинград, ОГИЗ, стр. 12-16.
- АХВЛЕДИАНИ Гиორგი. 1938. გიორგი ახვლედიანი, ზოგადი და ქართული ენის ფონეტიკის საკითხები, თბილისი, სახელმწიფო უნივერსიტეტის გამომცემლობა, [Вопросы общей и грузинской фонетики, на грузинском языке].
- БАБУХАДИА, БИЧИКАШВИЛИ. 2004. მ. ბაბუხაძია, ი. ბიჭიკაშვილი, აკადემიკოს ნიკო მარის ნაბეჭდი შრომების ბიბლიოგრაფია / *Библиография печатных работ академика Николая Яковлевича Марра* (ქართველოლოგიური ბიბლიოთეკა 4), თბილისი: გამომცემლობა „უნივერსალი“.

- БАШИНДЖАГЯН Левон Геворкович. 1936. «Предисловие к второму тому», в: Николай Яковлевич Марр, *Избранные работы*, т. 2: *Основные вопросы языкознания*, [Ленинград], Государственное социально-экономическое издательство, стр. v-xviii.
- БГАЖБА Хухут Соломонович. 1967. *Из истории письменности в Абхазии*, Тбилиси, Мецниереба, yadi.sk/i/-cFRKsreuz7r3 (18.12.2016).
- БОРКОВСКИЙ Виктор Иванович. 1936. «К вопросу о применении аналитического письма для научной записи русских текстов», *Язык и мышление*, 6-7, стр. 281-286, crecleco.seriot.ch/textes/Borkovskij36.html (30.06.2016).
- БУЛЫГИНА Тамара Александровна. 1999. *Советская идеология и общественные науки*, Москва, МАДИ(ТУ), Институт гуманитарных исследований,
- ВАСИЛЬКОВ Ярослав Владимирович. 2001. «Трагедия академика Марра», *Христианский Восток*, новая серия, 2 (8), стр. 390-421.
- ГАСПАРОВ Борис. 1987. «Отзыв о книге Gisela Bruche-Schulz, *Russische Sprachwissenschaft. Wissenschaft im historisch-politischen Prozess des vorsowjetischen und sowjetischen Rußland*, Tübingen, Niemeyer (Linguistische Arbeiten 151), 1984.», *Russian Linguistics* 11, 1, стр. 43-49.
- ГОЛУБЕВА Ольга Дмитриевна. 1986. *Н. Я. Марр и Публичная Библиотека*, Тбилиси, Хеловнеба.
- ИД. 2002. *Н. Я. Марр*, Санкт-Петербург, Российская национальная библиотека (Деятели Российской национальной библиотеки).
- ГРЕЧКО Валерий. 2010. «Между утопией и 'Realpolitik': Марр, Сталин и вопрос о всемирном языке», *Russian Linguistics*, 34, стр. 159-172.
- ЗУЕВ Константин Вячеславович. 2005. *Идеологизация языка в политических, авангардистских и научных текстах начала XX века*, диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ставрополь, Ставропольский государственный университет.
- ИЛИЗАРОВ Борис Семенович. 2012. *Почетный академик Сталин и академик Марр*, Москва, Вече.
- ИСАЧЕНКО Александр Васильевич. 1978. «Марр-Redivivus?», *Russian Linguistics*, 4, 1, стр. 83-87.
- КИПАРИСОВ Федор Васильевич. 1935. «Памяти великого советского ученого», *Проблемы истории докапиталистических обществ*, ежемесячный исторический журнал, издаваемый Государственной Академией истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, 5, 3-4, стр. 7-11.
- КЛИМОВ Георгий Андреевич. 1962. *О проекте единой фонетической транскрипции для кавказских языков*, Москва– Ленинград, Академия наук СССР, Институт языкознания.
- МАРР Николай Яковлевич. 1888. ნიკო მარრი, «ბუნება და თვისება ქართული ენისა (მცირე ზეზეზა)» [Природа и свойство грузинского языка (маленькая заметка)], ივერია [Иверия], № 86, 21.04.1888. dspace.nplg.gov.ge/bitstream/1234/48204/1/Iveria_1888_N86.pdf (17.12.2016).

- Id. 1899. *Сборник притч Вардана. Материалы для истории средневековой армянской литературы*, часть I: Исследование, Санкт-Петербург, тип. Имп. Акад. наук.
- Id. 1902. *Об единстве задач армяно-грузинской филологии*, Тифлис, Скоропечатня М. Мартиросянца.
- Id. 1903. *Грамматика древнеармянского языка. Этимология*, Санктпетербург, тип. Имп. Акад. наук (Издания факультета восточных языков Императорского С.-Петербургского университета 11).
- Id. 1908. *Основные таблицы к грамматике древне-грузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими*, С.-Петербург, тип. Имп. Акад. наук.
- Id. 1912. *К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических* (Материалы по яфетическому языкознанию 5), Санкт-Петербург, тип. Имп. Акад. наук.
- Id. 1913. «Из лингвистической поездки в Абхазию (К этнологическим вопросам)», *Известия Императорской академии наук*, 6-я серия, 7, 6, стр. 303-334. mathnet.ru/links/83f9d9b70dbad428dd9b38096e8ca481/im6635.pdf (15.12.2016).
- Id. 1915. «Кавказский культурный мир и Армения», *Журнал министерства народного просвещения*, новая серия, часть 57, июнь, стр. 280-330.
- Id. 1916. «Кавказоведение и абхазский язык», Петроград, Сенатская типография, (отдельный оттиск из *Журнала Министерства Народного Просвещения*, новая серия, 63, 5, отд. 4, стр. 1-27). nzb.pf/catalog/000199_000009_002874845/viewer/ (15.12.2016) [перепечатано в книге Марр 1938, стр. 125-149].
- Id. 1918. *О записывании абхазских текстов* (Пособия для работ по яфетическому языкознанию 1), Петроград, Типография Российской Акад. наук [Эта книга, оставшаяся мне недоступной, цитируется здесь по сборнику Марр 1938, стр. 150-164.]
- Id. 1922. *К изучению современного грузинского языка*, Петроград, Петроградский институт живых восточных языков.
- Id. 1923. *Երկու մանրէն, երես լեզուներէն զայնցոյցն յեւտմըլեւոյնընէ՞ / Niko Marr, ի՞նչ թզօնօրեալ լափետւրի Ենտմեցիներեա? [Чем живет яфетическое языкознание?]*, Петроград, Народный комиссариат по делам национальностей, Петроградский институт живых восточных языков. dspace.gela.org.ge/xmlui/bitstream/handle/123456789/5302/rit%20cxovrobs%20i%20afeturi%20enatmecniereba.pdf?sequence=1 (18.12.2016).
- Id. 1925a. *Грамматика древнелитературного грузинского языка* (Материалы по яфетическому языкознанию 12), Ленинград, изд. Российской Акад. наук.
- Id. 1925б. «Письмо и язык будущего (Об одной из грядущих задач Всесоюзной Академии Наук)», *Вестник знания*, 15, стр. 1011-1016. 193.233.14.130/reader/flipping/Resource8598/Vestnik_znaniya_1925_%E2%84%9614-24/index.html; crecleco.seriot.ch/textes/Marr25a.html (17.12.2016).

- Ид. 1926а. *Абхазский аналитический алфавит (к вопросу о реформах письма)* (Труды яфетического семинария 12), Ленинград, ЦИК СССР, Ленинградский институт живых восточных языков имени А. С. Енукидзе. menadoc.bibliothek.uni-halle.de/id/221034 (15.12.2016).
- Ид. 1926б. «Абхазоведение и абхазы (К вопросу о происхождении абхазов и этногонии восточной Европы)», в: *Восточный сборник*, вып. 1, Ленинград, Государственная Публичная Библиотека в Ленинграде, стр. 123-166.
- Ид. 1926в. *Пособие для изучения живого грузинского языка*, вып. I, Ленинград, Государственная академическая типография (ЦИК СССР, Ленинградский институт живых восточных языков имени А. С. Енукидзе 8, Труды яфетического семинария 2).
- Ид. 1926г. «Предисловие», в: *Восточный сборник*, Ленинград, Государственная Академическая типография (Государственная Публичная Библиотека в Ленинграде, серия V: Orientalia), i-xvi.
- Ид. 1926д. «Материалы к унификации библиотечной транскрипции письмен восточных народов», в: *Восточный сборник*, Ленинград, Государственная Академическая Типография (Государственная Публичная Библиотека в Ленинграде, Серия V: Orientalia), стр. 193-200.
- Ид. 1927а. «Советская страна должна знать своих ученых! Мировой ученый из грузинской сакли. Автобиография академика Н. Я. Марра, написанная специально для „Огонька“», *Огонёк*, 5, № 27 (223), без нумерации страниц [перепечатано в: Н. Я. Марр, *Избранные работы*, т. 1: *Этапы развития яфетической теории*, Ленинград, ГАИМК, 1933, стр. 6-13, <http://crecleco.seriot.ch/textes/Marr27.html> (30.06.2016)].
- Ид. 1927б. *Яфетическая теория. Программа общего курса учения об языке*, Баку, АзГИЗ [перепечатано в: Н. Я. Марр, *Избранные работы*, т. 2: *Основные вопросы языкознания*, Ленинград, Государственное социально-экономическое издательство, 1936, стр. 23-126].
- Ид. 1928. *Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык*, Ленинград, изд. Ленинградского Восточного Института имени А. С. Енукидзе, (ЦИК СССР Ленинградский Восточный Институт имени А. С. Енукидзе 28) [Перепечатано в: Николай Яковлевич Марр, *Избранные работы*, т. 4: *Основные вопросы истории языка*, Ленинград, Государственное социально-историческое издательство, 1937, стр. 53-84. arsnyteka.org/2100-marr_postanovka_ucheniya_ob_yazyke...html (30.06.2016)].
- Ид. 1929. *Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории* (Коммунистическая Академия, секция литературы, искусства и языка, подсекция материалистической лингвистики), Москва, Издательство Коммунистической Академии.
- Ид. 1930а. «Яфетидология в Ленинградском Гос. Университете (Читано на торжественном заседании в 110-летнюю годовщину Университета)», *Известия Ленинградского Государственного Университета* 2, стр. 47-68 [перепечатано в: Н. Я. Марр, *Избранные работы*, т. 1: *Этапы развития яфетической теории*, Ленинград, ГАИМК, 1933, стр. 254-272].

- Id. 1930б. «К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории», в: *Труды Первой Всесоюзной конференции Историков-марксистов* (28/XII-1928–4/I-1929), том второй, отдел пятый: *Социологическая секция*, Москва, Издательство Коммунистической академии, стр. 267-315.
- Id. 1931а. *К семантической палеонтологии в языках не яфетических систем* (Известия Государственной академии истории материальной культуры, т. седьмой, вып. VII-VIII), Ленинград, тип. Акад. наук СССР [перепечатано в: Н. Я. Марр, *Избранные работы*, т. 2: *Основные вопросы языкознания* [Ленинград], Государственное социально-экономическое издательство, 1936, стр. 246-288].
- Id. 1931б. *Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык* (Ученые записки Научно-исследовательского института народов советского Востока при ЦИК СССР, вып. 1), Москва – Ленинград, Центральное издательство народов СССР, elibrary.unatlib.org.ru/handle/123456789/28001 (17.12.2016).
- Id. 1935. «Проблема письма трех славянских языков СССР – белорусского, украинского и русского», *Язык и мышление*, 3-4, стр. 7-11. crecleco.seriot.ch/textes/marr-35Pbapisma/txt.html (30.06.2016).
- Id. 1938. *О языке и истории абхазов*, Москва – Ленинград, АН СССР (Академия Наук СССР, Грузинский филиал, Труды института абхазской культуры имени акад. Н. Я. Марра 10), yadi.sk/i/2WiKc6d_bmWAJ (18.12.2016).
- МЕГРЕЛИДZE Иосиф Варфоломеевич. 1984. «Пособие для авторов и наборщиков восточных шрифтов», в: Юрий Николаевич Марр, Иосиф Варфоломеевич Мегрелидзе, *Пособие для авторов и наборщиков восточных шрифтов*, IV дополненное издание, Тбилиси, Мецниереба, стр. 4-20.
- МЕЩАНИНОВ Иван Иванович. 1931. *Пособие к пользованию яфетидологическими работами*, Ленинград, Государственная Академия истории материальной культуры.
- Id. 1934. «Отзыв о книге Аптекарь 1933», *Язык и мышление*, 2, стр. 131-132.
- МИХАНКОВА Вера Андреевна. 1949. *Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности*, издание третье, исправленное и дополненное, Москва – Ленинград, Академии наук.
- ПЛАТОНОВА Надежда Игоревна. 1998. «Николай Яковлевич Марр – археолог и организатор археологической науки», *Археологические вести*, 5, стр. 371-382, archeo.ru/izdaniya-1/archaeological-news/arheologicheskie-vesti/AV_05.pdf (18.12.2016).
- ПОЛИВАНОВ Евгений Дмитриевич. 1925. «Краткая классификация грузинских согласных», *Бюллетень Среднеазиатского государственного университета*, 8, стр. 113-118.
- Id. 1928. *Введение в языкознание для востоковедных вузов*, Ленинград, ЦИК СССР Ленинградский восточный институт имени А. С. Енукидзе.
- Id. 1991. «Из материалов “Поливановской” дискуссии в Коммунистической Академии. Февраль 1929 г. Архивная публикация», в: Е. Д. Поливанов, *Труды по восточному и общему языкознанию* (Избранные работы), составление, послесловие, комментарии и указатели Л. Р. Концевича, Москва, Наука, главная редакция восточной литературы, стр. 507-561.

- РОБИНСОН Михаил Андреевич. 2004. *Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917-начало 1930-х годов)*, Москва, Индрик.
- РОМАНЕНКО Андрей Петрович. 2001. «Советская философия языка: Е. Д. Поливанов – Н. Я. Марр», *Вопросы языкознания*, 2, стр. 110-122. issuesinlinguistics.ru/pubfiles/2001-2_110-123.pdf (15.12.2016).
- ТОЛЬЦ Вера. 2013. «*Собственный Восток России*». *Политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период*, Москва, НЛЮ [русский перевод книги Vera Tolz, «*Russia's Own Orient. The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods*, Oxford – New York, Oxford University Press, 2011].
- Труды второй всероссийской конференции научных библиотек. Стенографический отчет*. Ленинград, Государственная Публичная Библиотека в Ленинграде, 1929.
- ТУНКИНА Ирина Владимировна. 2000. «Н. Я. Марр и Ф. А. Браун: история взаимоотношений (1920-1925 гг.)», *Stratum plus*, 4, стр. 384-391. ganar.spb.ru/files/visual/Tunkina_Marr%20i%20Braun.pdf (16.12.2016).
- ФРИЧЕ Владимир Максимович. 1929. «Вступительное слово В. М. Фриче», в: Н. Я. Марр, *Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории*, Москва, Издательство Коммунистической Академии (Коммунистическая Академия, секция литературы, искусства и языка, подсекция материалистической лингвистики), стр. 5-8.
- ХАШБА Арсений Константинович. 1936. *Академик Н. Я. Марр о языке и истории Абхазов* (Академия Наук СССР – Грузинский филиал, Труды института абхазской культуры им. акад. Н. Я. Марра, выпуск iv), под редакцией акад. И. И. Мещанинова, Сухуми, ИАК АН СССР. arsnyteka.org/file/khashba_a_k_akademik_marr_o_yazyke_i_istorii_abhazov_1936.pdf (18.12.2016).
- ШИЛКОВ Юрий Михайлович. 2004. «Яфетическая философия языка Н. Я. Марра», *Вече. Журнал русской философии и культуры*, 16, стр. 72-91. philosophy.spbu.ru/userfiles/rusphil/Vechе%20№16-6.pdf (28.06.2016).
- ЯКОВЛЕВ Николай Феофанович. 1931. «Аналитический или новый алфавит?», *Культура и письменность Востока*, 10, стр. 43-60. [нэб.рф/catalog/000199_000009_005509754/viewer/?page=51&positionpart=1, crecleco.seriot.ch/textes/Jakovlev31b.html](http://nэб.рф/catalog/000199_000009_005509754/viewer/?page=51&positionpart=1, crecleco.seriot.ch/textes/Jakovlev31b.html) (30.06.2016).
- BALDAUF Ingeborg. 1993. *Schriftreform und Schriftwechsel bei den muslimischen Russland- und Sowjettürken (1850-1937): Ein Symptom ideengeschichtlicher und kulturpolitischer Entwicklungen*, Budapest, Akadémiai kiadó, (Bibliotheca orientalis hungarica 40).
- BEDFORD Ian. 1985. «Stalin on Linguistics», *Canberra Anthropology* 8, 1-2, p. 58-86.
- BRANDIST Craig. 2015a. *The Dimensions of Hegemony. Language, Culture and Politics in Revolutionary Russia*, Leiden-Boston, Brill (Historical Materialism Book Series 86).

- ID. 2015b. « The Marrist critique of Indo-Europeanism revisited: reconsidering its roots and heritage », в: *К 150-летию кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета: сборник статей*, Санкт-Петербург, Филологический факультет СПбГУ, стр. 12-20.
genling150.phil.spbu.ru/tezisy-konferencii (18.12.2016).
- CHERCHI Marcello, MANNING H. Paul. 2002. *Disciplines and Nations: Niko Marr vs. His Georgian Students on Tbilisi State University and the Japhetidology/Caucasology Schism*, Pittsburgh, Center for Russian and East European Studies (The Carl Beck Papers in Russian & East European Studies 1603).
carlbeckpapers.pitt.edu/ojs/index.php/cbp/article/view/92/93 (18.12.2016).
- LÄHTEENMÄKI Mika. 2006. «Nikolai Marr and the idea of a unified language», *Language & Communication*, 26, p. 285-295.
- LEPSCHY Giulio Ciro. 1969. «Contributo all'identificazione degli ascoltatori di Saussure a Parigi: Fedor - Friedrich Braun», *Studi e saggi linguistici*, 9, p. 206-210.
- MEURS Wim van. 1998. «Die Sprachtheorie von Nikolaj Marr: Zwischen Wissenschaftsgeschichte und Wahnsinn», в: *Wissenschaftsgeschichte in Osteuropa. Europa litterarum artiumque scientiam communicans*, herausgegeben von Aloys Henning und Jutta Petersdorf, Wiesbaden, Harrassowitz, p. 221-241.
- PUTKARADZE, VASHAKIDZE. 2011. ფუტკარაძე ტარიელ, ვაშაკიძე ია, ქართველოლოგიის არგვარი დაგეგმვა 1917-1935 წლებში. ივანე ჯავახიშვილისა და ნიკო მარის პოზიციათა შეპირისპირებითი ანალიზი / *Two Types of Planning of Kartvelology in 1917-1935. Comparative Analysis of Positions of Ivane Javakhishvili and Nicholas Marr; თბილისი, საქართველოს საპატრიარქოს წმიდა ანდრია პირველწოდებულის სახელობის ქართული უნივერსიტეტის ქართველოლოგიის ცენტრი*.
- REZNIK Vladislava. 2007. « Succession or subversion: professional strategies of Soviet cultural revolution. The case of Nikolai Marr », *Slavonica*, 13, 2, p. 150-167.
- SÉRIOT Patrick. 2012. «L'alphabet analytique abkhaze de N. Marr: une pasigraphie génétique?», in *l'Édification linguistique en URSS: thèmes et mythes (Cahiers de l'ILSL 35)*, Elena Simonato (ed.), Lausanne, Centre de linguistique et des sciences du langage, p. 9-28, creleco.seriot.ch/recherche/biblio/13AAA.pdf (24.06.2016).
- SIMONATO Elena. 2005. «Marr et Jakovlev : deux projets d'alphabet abkhaz», in *Un paradigme perdu: la linguistique marriste (Cahiers de l'ILSL 20)*, Patrick Sériot (ed.), Lausanne, Institut de linguistique et des sciences du langage de l'Université de Lausanne, p. 255-269.
unil.ch/files/live/sites/clsl/files/shared/CILSL20.pdf (17.12.2016).
- SLEZKINE Yuri. 1996. «N. Ia. Marr and the National Origins of Soviet Ethnogenesis», *Slavic Review*, 55, 4, p. 826-862 [перепечатано в: *Intellectuals and the Articulation of the Nation*, Ronald Grigor Suny and Michael D. Kennedy (eds.), Ann Arbor, University of Michigan Press, 1999, p. 211-256].
- STACHOWSKI Marek. 2013. «Marr i Marryzm», *LingVaria*, 8, 2 (16), p. 249-271.
lingvaria.polonistyka.uj.edu.pl/documents/5768825/bd3b0b53-a6e5-434d-a0f2-d15cf5b8db70 (20.06.2016).

- THOMAS Lawrence L. 1957. *The Linguistic Theories of N. Ja. Marr*; Berkeley – Los Angeles, University of California Press (University of California publications in linguistics 14).
- TOLZ Vera. 1997. *Russian Academicians and the Revolution. Combining Professionalism and Politics*, Basingstoke, Macmillan (Studies in Russian and East European History and Society).
- ID. 2009. «Imperial Scholars and Minority Nationalisms in Late Imperial and Early Soviet Russia», *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 10, 2, p. 61-290.
- TOMELLERI Vittorio Springfield. 2016. «Das abchasische analytische Alphabet. Einige linguistische und historisch-philologische Überlegungen», *Rivista italiana di linguistica e dialettologia*, 18, p. 115-173.
- TUITE Kevin. 2011. «The reception of Marr and Marrism in the Soviet Georgian Academy», in *Exploring the Edge of Empire: The Soviet Era Anthropology in the Caucasus and Central Asia*, Florian Mühlfried, Sergey Sokolovsky (eds.), Halle, LIT, (Halle Studies in the Anthropology of Eurasia), p. 197-214.